

БОРЬБА ПУШКИНА ЗА ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРАВА НАРОДНОГО ЯЗЫКА

О Пушкине мы имеем громадную литературу — сотни исследований, и удивительно, что среди этих работ только единицы посвящены языку его произведений.

Исследования о языке Пушкина можно разделить на две группы. Первая группа — это незначительная по количеству группа дореволюционных исследований, но они все формально-грамматического порядка. Вот почему эти исследования не удовлетворяют наши запросы. Мы в наше, советское, время к работам о языке писателей предъявляем другие требования. Мы хотим, чтобы исследователь, кроме формальных лингвистических фактов, объяснил общественную значимость языка данного писателя: отражает ли он в своих произведениях, был ли его язык прогрессивным для своего времени и т. д. Ничего этого мы не находим в работах лингвистов дореволюционного времени.

Действительные исследования о языке Пушкина начались лишь при Советской власти. Эти исследования и составляют 2-ю группу, довольно многочисленную, работ о языке и стиле Пушкина.

Лучшим знатоком пушкинского стиля и языка считается академик В. В. Виноградов. Он написал большую работу «Язык Пушкина», Академия, 1935, но в этой книге есть ошибки идеологического порядка. О некоторых из них мы скажем ниже.

К столетию со дня смерти Пушкина журнал «Русский язык в школе» издал сборник под названием «Стиль и язык Л. С. Пушкина». Здесь напечатано 13 работ. В главной из них — «Язык Пушкина» В. А. Гофмана — имеется проявление космополитизма. Гофман пишет, что «Сказка о рыбаке и рыбке» написана Пушкиным по мотивам немецких сказок¹.

¹ Сборник «Стиль и язык Пушкина», Москва, Учпедгиз, 1937 г., стр. 61.

Таким образом, шедевр пушкинского творчества трактуется Гофманом как не оригинальное, не самобытное, не национальное произведение. Это—клевета на Пушкина, это—принижение значимости «Сказки о рыбаке и рыбке», которую с таким вниманием более ста лет слушали и ныне слушают дети русских людей, на идейной основе которой они воспитывались и воспитываются, языком которой они обогащали и обогащают свой речевой обиход.

Во всех языковедных работах о Пушкине, а также и в тех литературных исследованиях, где мимоходом говорится о языке поэта, мы имеем одно основное положение: Пушкин считается творцом русского литературного языка на подлинно-национальных, народных началах. Это положение утвердил в свое время В. Г. Белинский. Он в 1841 г. писал: «Не было еще на Руси такой классической творческой силы, и так национально, так русски проявившейся... Пушкин расширил источники нашей поэзии, обратил ее к национальным элементам жизни, показал бесчисленные новые формы, сдружил ее впервые с русской жизнью и русской современностью, обогатил идеями, *пересоздал язык до такой степени*, что и безграмотные не могли уже не писать хорошими стихами, если хотели писать. Влияние Пушкина было не на одну минуту; оно окончится разве со смертью русского языка»¹.

Борьба за создание национального русского литературного языка у Пушкина шла разнообразными путями; из них мы остановимся на одном — на обращении поэта к народной речи.

В процессе создания русского национального литературного языка Пушкин неоднократно обращался к народной речи как к ее выражению в фольклоре, так и к ее разговорно-бытовой национальной стихии. Обращение Пушкина к народной речи вызвано было, во-первых, любовью его к русскому языку, о котором поэт с такой яркостью «нагой простоты» говорит в своих заметках: «Только революционная голова, подобная М. Орлову и Пестелю, может любить Россию так, как писатель только может любить ее язык. Все должно творить в этой России и в этом русском языке»². Во-вторых, обращение к народной речи у Пушкина вызывалось и глу-

¹ В. Г. Белинский, «Русск. литер. в 1841 г.», Собр. соч., т. II, Госполитиздат, 1936 г., стр. 167, 170.

² Пушкин, Собр. соч., т. VI, стр. 26: Цитируется по изданию «Худ. лит.», 1936 г. В дальнейшем цитаты будут даваться из этого же издания. Курсив везде наш. — Т. Т.

бокими причинами мировоззренческого порядка. Он считал, что новый русский национальный литературный язык можно было создать только на народной речевой основе.

В использовании народных элементов речи Пушкин прошел через ряд периодов. Мы это можем проследить, если в хронологическом порядке проанализируем заметки Пушкина о языке, а также и его речевое творчество.

Использование просторечия

Литературно-языковые воззрения А. С. Пушкина до 1820 г. формировались под влиянием того направления, основателем которого, по словам самого Пушкина, был поэт Катенин, идейно, а до 1818 г. — и организационно связанный с революционным подпольем декабристов. Катенин был центральной фигурой литературной группы молодых писателей, которая боролась в 10-х гг. XIX ст. против эстетизма Карамзина и Жуковского в области русского литературного языка. Катенин и его единомышленники пуризму языка Карамзина и Жуковского противопоставили принцип использования просторечия и «простонародного» языка для создания национальной русской литературной речи. Они «отстаивали свободу слога в направлении к реализму и обязательность национального колорита, если это требовалось самим содержанием»¹. Творчество Катенина, его борьба имели большое влияние на перестройку литературного языка от салонно-дворянского пуризма к реализму. Об этом убедительно говорит Пушкин, считавший Катенина первым поэтом, «введшим в круг возвышенной поэзии язык и предметы простонародные»².

Пушкин в первые свои поэтические произведения ввел просторечие. Например, в легком и изящном языке поэмы «Руслан и Людмила» были такие просторечные слова, за которые салонно-дворянская критика яростно напала на поэта, как на нарушителя языковых канонов поэмы. В поэме «Руслан и Людмила» Пушкин дал стихи:

Княжна с постели соскочила,
седого карлу за колпак
рукою быстрой ухватила,

¹ Н. Трубцын, «О народной поэзии в общественности и литературном обиходе первой трети XIX ст.», СПб, 1912 г., стр. 299.

² Пушкин, Собр. соч., т. V, «О сочинениях Катенина», М., «Худ. литер.», изд. 1936, стр. 105.

дрожащий занесла кулак
и в страхе завизжала так,
что всех арапов оглушила.

Здесь просторечными словами для того времени были *соскочила, ухватила, кулак, завизжала, оглушила*¹. Это — просторечие городского культурного слоя населения, но и оно раздражило и ввело в бешенство защитников салонно-дворянской литературы и ее языка. Они все эти слова рассматривали «низкими», «мужицкими», а с их точки зрения «мужицким» словам абсолютно не должно быть места в поэме. Журнал, основанный Карамзиным, «Вестник Европы» в том же 1820 г. по поводу просторечия этой поэмы писал так: «Если бы в Московское благородное собрание как-нибудь втёрся (предполагаю невозможное возможным) гость с боро-дою, в армяке, в лаптях и закричал бы зычным голосом: «Здорово, ребята!» Неужели бы стали таким проказником любоваться?»².

Пушкин был активным бойцом-новатором. Он, защищая необходимость просторечных элементов в литературном языке, неумоимо шел вперед, хотя нападки на него за просторечие продолжались и в последующие годы. Об этом он в своей заметке о «Полтаве» в 1830 г. пишет так: «Полтава не имела успеха. . . Наши критики взялись объяснить мне причину моей неудачи — и вот каким образом. . . Слова *усы, визжать, вставай, Мазепа, ого, пора* — показались критикам *низкими, бурлацкими* выражениями»³. Но Пушкин продолжал идти своей дорогой. Во все свои последующие произведения он вводил просторечные словарные и фразеологические элементы — как из языка культурной городской прослойки общества, так и из языка других слоев населения. Пушкин дорожил просторечными элементами языка потому, что они сближали литературную речь с разговорной, что давало возможность более реалистически изображать жизнь. Затем — потому, что просторечие демократизировало литературную речь, приближало ее к народному языку.

¹ М. А. Рыбникова, «Пушкин, как защитник простоты и народности в языке», «Русский язык в школе», 1937 г., № 1, стр. 38.

² «Вестник Европы», 1820 г., № 16.

³ Пушкин, Собр. соч., т. V, стр. 88.

Использование народно-поэтической речи

Второй момент в использовании Пушкиным народных элементов речи наступает в начале 20-х гг. XIX в. Он идет параллельно с первым. В эти годы Пушкин окончательно подходит к своему основному положению — о необходимости создания нового русского национального литературного языка на народной основе, т. е. на основе, как тогда говорили, «простонародной» речи. Народный язык Пушкин противопоставлял жеманной полуфранцузской, полурусской, рафинированной литературной речи дворянского салона. В силу этого у Пушкина ясно выросло сознание о необходимости изучения народного языка, и он приступает к этому. Но народный язык Пушкин в начале 20-х годов изучает в романтическом аспекте — по материалам фольклора и древнерусских письменных памятников. Он выбирает из этих материалов пословицы и поговорки, а из летописей — поэтические тексты. Сохранился его автограф 1820 г., в котором имеются записанные им поговорки и пословицы. К некоторым из них Пушкин дает истолкования, а также и примечания, указывающие — откуда они взяты, например: «*В праздник жена мужа дразнит*» (выписка из Кириши)... «*Горе лыком подпоясано*» — язвительное изображение нищеты; см. Древние стихотворения»¹.

Несколько позднее, в 1822 г. в заметке «О французской словесности», отражающей его мысли о слабости языка французской литературы и его раздумье о путях перестройки современной ему русской литературной речи, Пушкин пишет, что «*есть у нас свой язык; смелее! Обычай, история, песни, сказки и проч.*»².

Мысли о безнародности салонно-дворянского литературного языка владели в этот период не только одним Пушкиным. Они были свойственны и другим прогрессивным писателям того времени. Так Кюхельбекер, друг Пушкина, декабрист, в статье «О направлении нашей поэзии, особенно лирической» дал резкую критику языковой теории и практики карамзинистов. В 1824 г. он писал: они «из слова Русского богатого и мощного силятся извлечь небольшой, благопристойный, приторный, искусственно-тощий, приспособленный для немногих язык... о мыслях и говорить нечего»³. Об отсутствии народных элементов в салонно-дворянском языке говорит в 1825 г.

¹ Пушкин, Собр. соч., т. VI, стр. 315.

² Пушкин, Собр. соч., т. VI, стр. 27.

³ «Мнемозина», кн. II, 1824 г.

и декабрист А. Бестужев-Марлинский: «Мы вососали с молоком безнародность и удивление только к чужому... к довершению несчастья, мы выросли на одной французской литературе, вовсе несходной с нравом русского народа, ни с духом русского языка»¹.

Кюхельбекер, вслед за Пушкиным, стоит на позициях обновления литературы и *ее языка* провести односторонним идея народности у него, как и у Пушкина, в эти годы преломляется в романтическом аспекте. В силу этого он предлагает обновление литературы и *ее языка* провести односторонним путем тщательного изучения языка древнерусских летописей и фольклорных произведений, без изучения живой народной речи. Поэтому свою статью он заканчивает так: «Да создастся для славы России поэзия истинно русская... Летописи, песни, сказания народные — лучшие, чистейшие, вернейшие источники для нашей словесности»².

Конец 20-х гг. у Пушкина ознаменовывается новым сдвигом в изучении фольклорной поэзии и древнерусской письменности. В эти годы Пушкин изучает их уже не в романтическом аспекте, а *под углом наилучшего познания строя русского народного языка*. Это видно из следующих высказываний поэта.

В 1828 г. в статье «Ответ на статью в «Атенее», отражая упреки критики в том, что он, Пушкин, искажает русский язык, употребляя слова «топ» и «молвь», поэт говорит, что эти слова взяты им из народной сказки, и тут же дает совет молодым писателям: «Читайте простонародные сказки, молодые писатели — чтоб видеть свойства русского языка»³. Этот же совет настойчиво повторяется Пушкиным и в 1830 г.: «Изучение старинных песен, сказок и т. п. необходимо для совершенного знания свойств русского языка. Критики наши напрасно ими пренебрегают»⁴.

В 1824—25 гг., в период своей ссылки, Пушкин жил в селе Михайловском. Здесь он, как и в детстве, заслушивается сказками и песнями своей няни, о чем поэт так красиво и просто рассказывает в своих стихотворениях «Зимний вечер» и «Наперсница волшебной старины...» Пушкин записывает песни, старины, рассказываемые ему и другими сказителями.

¹ «Взгляд на русскую словесность в течение 1824 г. и начала 1825 г.», — «Полярная звезда», 1825, стр. 2.

² «Мнемозина», 1824 г., кн. II, статья «О направлении нашей поэзии, особенно лирической».

³ Пушкин, VI, стр. 76.

⁴ Пушкин, VI, стр. 125.

В этот период Пушкин усиленно интересовался песнями и сказаниями о Степане Разине. Часть из них он записал лично здесь. В 1824 г. из Михайловского Пушкин писал брату: «Вот тебе задача, историческое, сухое известие о Степане Разине, единственном поэгическом лице русской истории»¹. В 1826 г. Пушкин написал «Песни о Степане Разине», они не были изданы по цензурным условиям.

Народные истоки синтаксического строя художественной прозы Пушкина

Пушкин в Михайловский период своей жизни усиленно изучает русские летописи. Его в летописях интересует не только описание древнерусского быта, древнерусская тематика крупнейших исторических событий, но и язык летописей. Об этом сам поэт говорит в своих заметках двадцатых годов. Например: «в летописях я старался угадать образ мыслей и язык тогдашних времен»².

Изучая язык летописей, Пушкин наблюдал его краткость, сжатость, точность и образность. Эту же образность, сжатость и краткость речи Пушкин видел и в языке народных как старинных, так и современных ему сказок, песен, старин, пословиц и поговорок. Мы полагаем, что на основе изучения языка летописей и фольклорных произведений Пушкин пришел к мысли, что русский язык имеет свои особые свойства т. е., свои законы, и что писатель должен повиноваться закону своего языка³. Среди этих законов Пушкин прямо указывает на «естественный» порядок слов в предложении⁴. Другие законы, подмеченные им в народном поэтическом языке, Пушкин реализует в своей художественной речи, — особенно в прозе. Среди них ценен закон об афористичности русского народного языка. В начале 20-х гг. он писал: «Точность и краткость — вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат»⁵.

Несомненно эти мысли о прозе навеяны были Пушкину свойствами русского народного языка, его лаконизмом и

¹ «Русская Старина», 1879, октябрь, 299.

² Пушкин, VI, стр. 69.

³ Пушкин, наброски и предисловие к «Борису Годунову», VI, стр. 54.

⁴ Пушкин, «Ответ на статью в «Агееве об Евгении Онегине», VI, стр. 74.

⁵ Пушкин, Собр. соч., «Начало статьи о русской прозе», т. VI, стр. 25.

смысловую точностью. Интересно, что об этих свойствах народной речи в нашу эпоху прекрасно говорил и М. Горький. Он писал: «Мне кажется, что работая по словотворчеству, необходимо знать наш богатейший фольклор, особенно же наши изумительно четкие, меткие пословицы и поговорки. «Пословица век не сломится». Наша речь преимущественно афористична, отличается своею сжатостью, крепостью»¹. Таким образом, великий создатель русской национальной литературы и русского литературного языка А. С. Пушкин как бы перекликается здесь с великим зачинателем русской пролетарской литературы и ее языка. Совпадение их взглядов о значимости русского народного языка и его строя для литературной русской речи объясняется только глубокой любовью их к русскому народу и глубоким знанием его языка.

Анализируя структуру предложений фольклорной и летописной речи, мы, при краткости, афористичности ее, замечаем и другое — преобладание простых предложений над сложно-сочиненными и сложно-подчиненными. Эти же свойства синтаксической структуры характерны и для художественной прозы Пушкина. Затем — и в народной, и летописной литературе и в прозе пушкинских художественных произведений в структуре предложения преобладает, в основном, один и тот же прямой порядок слов: подлежащее, за ним сказуемое; определение перед определяемым словом. Например, исследователь стиля «Капитанской дочки» Пушкина указывает, что в ней предложений с таким прямым порядком имеется 1919 из 2533². Наконец, в фольклоре, в летописях и у Пушкина имеются короткие предложения. Есть предложения в одно, два, три слова.

Все эти факты подтверждают, что Пушкин создал синтаксическую структуру своей художественной прозы на основе «свойств», т. е., законов русского языка, как они выражены в фольклоре, летописях и в живой народной речи. И мы можем с полным основанием сказать, что синтаксическое строение пушкинской художественной прозы — истинно-народное, русское, самобытное. Такой же строй художественной прозы мы найдем у Лермонгова, и особенно — у Тургенева. А они оба признавали Пушкина своим учителем.

Но в трудах по истории русского литературного языка

¹ М. Горький. «Литер.-критические статьи», изд. 1939 г., стр. 383.

² А. Прокурова, «К анализу стиля пушкинской прозы», см. сборник «Язык и стиль А. С. Пушкина», изд. журн. «Русский язык в школе», 1937 г., стр. 123.

имеется и другое мнение, говорящее, что Пушкину этот строй речи в его прозе навеян строем французской художественной прозы, т. е., что Пушкин, создавая структуру предложений своей прозы, подражал французским писателям. Это положение было распространено в дореволюционное время. В нашу советскую эпоху оно ярко выражено у акад. В. В. Виноградова. Он пишет, что Пушкин в области синтаксических конструкций признал «своим образцом французский, а потом и английский язык и, таким образом, примкнул к традиции западников...». «Приемы сцепления предложений и ритмические формы связи синтаксических единиц в пределах предложения у Пушкина носили явный отпечаток «европеизма» и приближали язык Пушкина к французской традиции конца XVIII — первой четверти XIX в.»¹. Это неверно.

О французской литературе Пушкин говорит во многих своих заметках. В них он *только отрицательно* отзываясь о ее содержании, стиле и языке. С начала 20-х гг. Пушкина занимают напряженные думы о русской литературе и ее языке. Он стремится к обновлению ее языка на самобытных, народно-русских началах, не подражая ни одной из иностранных литератур и их языкам. Так, в 1822 г. Пушкин в статье «О французской литературе» пишет: «Из всех литератур она имела большое влияние на нашу... Дмитриев, Карамзин, Богданович. Вредные последствия — манерность, робость, бледность... как можно ей подражать: ее глупое стихосложение — робкий, бледный язык — вечно на помочих... (Курсив наш — Т. Т.)»². Пушкин заканчивает эту статью гимном русской «словесности» и ее языку: «Не решу какой словесности отдать предпочтение (т. е. французской, немецкой, итальянской — Т. Т.), но есть у нас свой язык: смелее! Обычай, история, песни, сказки и пр.»³. Так же отрицательно о французской литературе отзываясь он и в заметке: «Век романтизма не настал еще для Франции... Все сборники новейшей, так называемой романтической, поэзии — позор французской литературы...»⁴. Отрицательные стывы о французской литературе имеются и в заметках его на страницах 31, 36, 58, 60, 61⁵.

¹ В. В. Виноградов, «Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв», ГУПИ, М., 1938, стр. 247.

² Пушкин, Собр. соч., т. VI, стр. 56.

³ Пушкин, Собр. соч., т. VI, стр. 27.

⁴ Пушкин Собр. соч., т. VI, стр. 27. У Пушкина последнее предложение цитаты написано на франц. языке.

⁵ Пушкин, Собр. соч., т. VI.

Также мы отрицаем и влияние языка английской литературы на язык Пушкина, в частности — в области синтаксических конструкций. Анализ языка художественной прозы Пушкина, анализ его заметок о языке и статей теоретического и критического характера — ничто не дает каких-либо данных для утверждения, что язык английской литературы влиял на язык произведений Пушкина.

На основании приведенных выше документов, считаем положение о несамобытности, не оригинальности синтаксического строя художественной прозы Пушкина — положением совершенно *неправильным*. Это положение является одной из форм проявления космополитизма в трактовке истории русского литературного языка.

Изучение живой «простонародной» речи

В конце 20-х и в самом начале 30-х гг. *Пушкин переходит к третьему периоду изучения и освоения народной речи*. Он не раз высказывался в эти годы, что для более лучшего познания свойств русского языка *необходимо*, кроме изучения песен, сказок, летописей, изучать *непосредственно живую, разговорную речь «простолюдинов»*. Начинаящим писателям Пушкин так советовал: «Вслушивайтесь в *простонародные наречия*, молодые писатели, в них можете научиться многому, чего не найдете в наших журналах». «Разговорный язык простого народа... достоин глубочайших исследований»¹.

Изучать непосредственно живой разговорный язык надо еще и потому, что он удивительно чист и правилен, в нем нет налёта иностранного строя речи, как это замечается в салонно-дворянском языке. И Пушкин действительно изучал *живую* народную речь. Один из его биографов пишет: «Живя в Михайловском, Пушкин... не только заслушивался сказками своей няни, но и в праздничные дни иногда переодевался в крестьянское платье и в таком костюме посещал ярмарки, богомолья, вступая в беседы с простым народом, с крестьянами, *вслушиваясь* в их *говор*, расспрашивая об их житье-бытье к великому удивлению и ужасу окрестных помещиков».

Народное слово привлекало Пушкина своею конкретностью, образностью и яркостью. В борьбе за «простонародное» слово Пушкин выступал не только как обороняющийся от литературных защитников дворянской салонной речи, но и как боец.

¹ Пушкин, Собр. соч., т. VI, стр. 74, 127.

как нападающий. Пушкин издевался, иронизировал над этими критиками, издевался над их литературными принципами. Он уподоблял этих критиков салонным, паркетным дамам, которые непрерывно одни слова называют «бурлацкими», другие «мужицкими». Эти критики: «гнушались просторечьем и заменяли его простомыслием»¹.

Использование живой крестьянской речи

Этот период наступает у Пушкина в начале 30-х годов.

Его мы называем периодом *конкретного использования* Пушкиным в поэтических и художественно-прозаических произведениях живой крестьянской речи. Бытовой крестьянский язык совершенно исключался из языка салонно-дворянской литературы. Но Пушкин, как новатор, шел наперекор этим принципам, так как он видел, что обновление русского литературного языка может быть совершено только на основе народной речи. Из гущи крестьянского языка Пушкин совершал определенный отбор. Останавливал он свое внимание и на общеупотребительном и на областном крестьянском словаре. Говорить, что он сосредоточивал исключительное внимание на крестьянском языке мы не можем.

Крестьянская лексика в авторскую речь вводилась им тогда, когда это требовалось, во-первых, содержанием темы, например:

«Парчевая на маковке *кичка*»². (обл. Ушаков).

«Зима... Крестьянин торжествуя

На *дровнях* обновляет путь»³. (обл. Ушаков).

Во-вторых, тогда, когда слово являлось ценным в силу его художественной выразительности: «Гонимы *вешними лучами*»⁴. (обл. Ушаков).

В-третьих, в силу реалистической, предметной ясности данного слова: «Сперва взаимной *разнотой* они друг другу были скучны»⁵, (обл. Подвысоцкий). «В Коспорье, против Самары, ночью в *волновую* погоду, Суворов переправился через Волгу»⁶. (народно-поэтическое — Ушаков).

¹ Пушкин, VI, стр. 98, 113—114.

² «Сказка о рыбаке и рыбке».

³ «Евгений Онегин», II, V.

⁴ «Евгений Онегин», I, VII.

⁵ «Евгений Онегин», II, XIII.

⁶ «История Пугачева», V, стр. 379. Даль указывает, что слова «волновой» в словаре АН нет. У Даля это слово не помечено областным. В словаре Подвысоцкого «Областное Архангельское наречие» — оно имеется.

В речь персонажей крестьянская лексика вводилась Пушкиным как средство социальной их характеристики, но и здесь чувство меры и сообразности данного слова являлось главным критерием для ввода его в литературную речь. Проанализируем язык няни в «Евгении Онегине». Речь няни — это, в основном, не речь крестьянки. Типичных крестьянских слов и фразеологических оборотов у нее мало:

«А ныне все мне тёмно, Таня»... (III, XVII).

...«Мой Ваня

Моложе был меня, мой свет»... (III, XXXIII).

«О пташка ранняя моя»... (III, XXXIII).

«Вечор уж как боялась я»... (III, XXXV).

«А то, бывало, я востра»... (III, XXXV).

«Ты знаешь, непонятна я»... (III, XXXV).

«Да, пришла худая череда»... (III, XVII).

«И, полно Таня»... (III, XVII).

В остальном речь няни — речь женщины, весь свой век прожившей в барском доме и приобщившейся к дворянской языковой культуре. Поэтому мы у няни и встречаем лексику и фразеологию, свойственную культурному дворянству:

...«Я, бывало,

Хранила в памяти не мало

Старинных былей, небылиц»... (III, XVII).

«Дитя мое, ты нездорова»... (III, XIX).

«Изволь, родная, прикажи»... (III, XXXIV).

«Мой друг, вот бог тебе порука»... (III, XXXIV).

«Сердечный друг, уж я стара»... (III, XXXV).

По поводу подобной речи в устах простолюдинов, выведенных Пушкиным, В. Виноградов говорит: «И в разговорах простолюдинов у Пушкина осколки просторечия и простонародного языка не только «тлеваются» нередко в синтаксические формы литературной речи, но иногда густо перемешаны литературно-книжными выражениями, приспособленными, так сказать, к системе «хорошего общества». Например, няня в «Евгении Онегине» говорит таким литературным языком...». И здесь В. Виноградов приводит выдержку из речи няни:

«Я, бывало, хранила в памяти», и т. д.¹

Я полагаю, что в отягчении языка няни это утверждение неверно. Здесь, я думаю, речь должна идти не о стилизации Пушкиным языка няни под литературный лад во вкусе

¹ В. Виноградов, «Язык Пушкина», изд. Academia, 1935, М.—Л., стр. 445.

«хорошего общества», а наоборот — об усвоении пняней, прошедшей весь свой век в культурном барском доме, т. е. среди дворянского языкового окружения, некоторых элементов языковой дворянской культуры, культуры салонно-дворянского речевого стиля. Пушкин, как впоследствии и Тургенев, гениально подметил, что некоторые прослойки дворовых имеют особый обиходный речевой стиль, близкий к языковому стилю их господ. У Тургенева показ такого стиля найдем в рассказах «Живые мощи» — речь Лукеры, и «Ермолай и Мельничиха» — речь Мельничихи. У Грибоедова: в «Горест ума» — речь Лизы.

В прозаических произведениях крестьяне изображаются Пушкиным в примитивной крепостной обстановке сельского помещичьего двора. Поэтому и речь их иная, чем, например, у няни в «Евгении Онегине». Эта речь в большей степени приближается к обычной крестьянской речи. Проанализируем речь некоторых крестьян, изображенных в повестях «Дубровский» и «Капитанская дочка».

Речь старушки — няни Орины Егоровны. В ее письме к молодому Дубровскому имеются лексические, морфологические и синтаксические особенности из крестьянского бытового языка: «*Слышно*, земский суд к нам едет...». «*У нас дожди идут вот уже друга неделя* и пастух Родя *помер* около *Миколина* дня». Сравним из письма Савельича: «...Я ничего не писал, чтоб не *испужать*...». «Командиры, *слышно*, им довольны...». В языке кучера Антона: «А бог их ведает, батюшка Владимир Андреевич, барин, *слышь*, не поладил с Кирила Петровичем...». «И *вестимо*, барин, заседателя, *слышь*, он и в грош не ставит...». Из речи деревенского кузнеца Архипа: «Я хотел... *проведасть*, все ли дома». «Да как же без топора *чонеча* и ходить. Эти приказные, *вишь*, озорники...».

Таким образом, в языке персонажей из крестьян мы видим только несколько крестьянских слов, достаточных для того, чтобы придать их речи крестьянский колорит. Пушкин не гонится за насыщением языка этих персонажей крестьянским словарем, не гонится за обилием фонетических и морфологических особенностей, характерных для крестьянской речи. Пушкин знает, что ценность многих крестьянских слов с их морфологическими и фонетическими особенностями сомнительна для обогащения общего фонда национально-литературной речи. По стопам Пушкина в этом отношении пойдет Тургенев, и наоборот, свернет в сторону от этой правильной

линии, в сторону безудержного, ненужного использования элементов крестьянского языка Григорович.

Кроме необходимых элементов крестьянской речи, в уста персонажей из крестьян Пушкин, для более яркой и красочной социальной характеристики их, вводил ряд народных пословиц, поговорок, идиом. Например, кучер Антон на вопрос молодого Дубровского: «Так видно, этот Кирилла Петрович у вас делает, что хочет», — отвечает: «И вестимо; барин... господу съезжакися к нему на поклон, и то сказать, *было бы корыто, а свиньи-то будут...*». В его же речи: «...Да ведь, на *чужой рот пуговицы не нашьешь*». В языке Савельича: «А что с ним случилась такая оказия, то *быль молодцу не укор: конь и о четырех ногах, да слотыкается*».

В языке кучера Антона: «... в грош не ставит».

Состав крестьянской лексики в произведениях Пушкина не изучен. Мы можем сказать лишь то, что Пушкин вводил в свои произведения областную и общепотребительную крестьянскую лексику, вводил ее как в язык персонажей, так и в авторскую речь. Ввод этой лексики в литературный язык обуславливался, как мы выше отметили, или ее художественной ценностью, или предметной, реалистической ясностью; или социальным положением персонажей, или содержанием темы. Во всех случаях ввода крестьянской лексики в авторскую речь Пушкин руководствовался еще и принципом значимости данного слова для обогащения общего фонда русского национального литературного языка. Затем мы можем добавить, что Пушкин и здесь никогда не изменял своему основному языковому принципу при отборе слов — принципу «соразмерности и сообразности».

Пушкин своей литературной практикой и своими теоретическими высказываниями в области употребления крестьянской лексики в литературном языке наметил путь как для Гоголя и Лермонтова, так и для Тургенева.

Значение Пушкина в борьбе за литературные права народного языка очень велико. Об этом прекрасно сказал М. Горький:

«Язык создается пародом. Деление языка на литературный и народный значит только то, что мы имеем, так сказать, «сырой» язык и обработанный мастерами.

Первый, кто прекрасно понял это, был Пушкин, он же первый и показал, как следует пользоваться речевым материалом народа, как надо обрабатывать его»¹.

¹ М. Горький, «О том, как я учился писать».

УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ПУШКИНСКИЙ
ЮБИЛЕЙНЫЙ
СБОРНИК

гөр УЛЬЯНОВСК
1949 г.